

Амина Волкова ✦ Ада Огнева

ИЗМЕНА МУЖА.
Твоя ложь не сойдётся
по балансу!

Ада Огнева

**Измена мужа. Твоя ложь
не сойдётся по балансу!**

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Измена мужа. Твоя ложь не сойдётся по балансу! / А. Огнева —
«Автор», «Автор», 2026

Пятнадцать лет я спасала завод от убытков. Десять лет верила мужу. А однажды застала Виктора в нашей спальне с его помощницей. Вместо оправданий он протянул мне документы с фальшивыми цифрами. — Подпишешь — останешься на свободе. Откажешься — сядешь за мои махинации. Наутро меня выгнали с работы, лишили дома и объявили мошенницей. Виктор уверен: без него я никто. Но он забыл, кто пятнадцать лет сводил его балансы. Теперь у меня есть доказательства, способные уничтожить его карьеру. А влиятельный инвестор Артём предлагает опасный союз. Только смогу ли я довериться новому мужчине, если даже любимый муж оказался предателем? И какую цену потребует моя победа?

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Амина Волкова

Измена мужа. Твоя ложь не сойдётся по балансу!

Глава 1

Из кухни тянуло жареным мясом. Виктор всё-таки заказал ужин. Я придержала дверью сумку и достала папку с годовым отчётом: не хотелось мять лист с последней таблицей. Двенадцать процентов прироста. Он наверняка заглянет сразу в конец, поэтому я приклеила там закладку. Можно будет сесть напротив, подвинуть ему папку и хотя бы сегодня услышать: «Молодец, Ань». Я даже губы подкрасила в лифте — смешно, после пятнадцати лет работы и десяти лет брака.

Из спальни засмеялись. Я остановилась с папкой в руках. У Виктора смех обычно низкий, с кашлем, особенно после коньяка. Этот был женский. Лена? Я ещё пыталась придумать, зачем помощница приехала к нам домой вечером. Привезла документы. Не успели закончить. Она ведь два года говорила мне «Анна Сергеевна», придерживала дверь, присылала расписание мужа, если я спрашивала. За дверью снова засмеялись, и все мои объяснения стали такими жалкими, что я перестала их искать.

Дверь в спальню была закрыта. Плотно, до щелчка замка. Я попыталась открыть её, надеясь просто сказать: «Посмотри, Витя, мы сделали год». Но ручка не повернулась. Заперто изнутри.

В коридоре висел её парфюм. От воротника моей блузки пахло кофе — я пролила его, пока проверяла последнюю сверку. Мне почему-то стало стыдно именно за это пятно. Поднесла руку к воротнику, потом опустила: сейчас никто не увидит. Наклонившись к двери, приложила ухо возле замка. Там говорили тихо. Чтобы разобрать слова, пришлось задержать дыхание.

— ...переписка уже отправлена, — сказал Виктор. Я узнала интонацию, с которой он диктовал бухгалтерии условия платежа. — Подпись будет фальшивой, но технически безупречной. Она даже не заметит разницы, если не будет читать мелким шрифтом.

Лена хихикнула. Звук этот царапнул мне горло, как наждачка.

— А если заметит? — спросила она.

— Она не посмеет. У неё нет доказательств, только догадки. А догадки в суде стоят ноль рублей.

Я перестала удерживать папку под мышкой; она соскользнула, и я подхватила её за угол. Виктор только что сказал «догадки в суде». Про меня? Я стояла у двери собственной спальни, с отчётом, который готовила до восьми вечера, и слушала, как он собирается объяснить кому-то мою подпись. Хотелось постучать. Спросить, что за чушь. Но тогда он замолчит, а мне нужно было дослушать.

Через минуту замок щелкнул. Дверь открылась.

Виктор придерживал дверь рукой. На нём были только брюки, верхняя пуговица расстёгнута. Лена натягивала рубашку, сидя на кровати, и никак не попадала в рукав. Я смотрела на этот рукав. Застегнуть её пуговицы было бы привычнее, чем сказать то, что я сейчас должна сказать.

— Ты рано сегодня, — бросил Виктор. Это не было вопросом. Это было утверждением факта, который ему не нравился.

Вошла и посмотрела на рубашку Лены. Его рубашку. На рукаве — пуговица, которую я пришивала в воскресенье. Захотелось схватить за ткань и стащить с неё, как будто после

этого можно вернуть прежнюю спальню. Вместо этого подняла папку. Бумага под пальцами не дрожала. Вот за неё и следовало держаться.

— Посмотри цифры, — сказала я, протягивая папку. Голос не дрогнул. — Мы закрыли год с плюсом.

Он взял папку, пролистнул до закладки и скривился. Даже не спросил, почему я стою с открытым ртом. Я ждала хотя бы торопливого объяснения: мы не то подумали, Лена принесла бумаги, сейчас он оденется. Виктор изучал отчёт. Отчёт был хорошим — я сама проверила каждую цифру. Значит, кривился он не из-за ошибки.

Он швырнул папку обратно на столешницу, которая служила им и тумбочкой, и баром. Бумаги рассыпались веером.

— Это не то, что я просил, — произнес он сухо.

Лена чуть склонила голову, как на работе, когда спрашивала, не нужна ли мне помощь. Только теперь на ней была рубашка моего мужа. Я перевела взгляд на Виктора: он тянул манжету другой рубашки, брошенной на стул. Знакомый жест перед неприятным разговором. В такие минуты я обычно сама спрашивала, что ещё требуется. Он дождался этого и сейчас.

— Какой именно пакет бумаг ты имел в виду? — спросила я, чувствуя, как холодок ползет вверх по спине.

Виктор достал из ящика стола стопку листов формата А4. Протянул их мне.

— Корректировка для налоговой. Рутинная вещь. Подпиши, и мы наконец спокойно поедем ужинать.

Развернула верхний лист. Акт списания: «Турнист-2000», инвентарный номер 4509-В. Я свернула угол бумаги, чтобы удержать строку, и прочитала основание списания. Непригоден к эксплуатации. Ниже — сумма. Мне оставили место для подписи рядом с датой, которую я сама никогда бы не поставила.

Приёмку ремонта этого станка я подписывала неделю назад. Вчера он работал, мастер приносил ведомость. Пододвинула очки: нет, номер тот же. По этой бумаге исправное оборудование превратится в списанное. Потом можно будет вывезти его и спрятать выручку — через однодневку, как в тех платежах, на которые Виктор так и не ответил.

— Этот станок ещё работает, — тихо сказала я, водя пальцем по строке. — Его нельзя списывать. Это фиктивная операция.

Лена перестала возиться с рукавом. Виктор протянул ладонь за актом. Я ещё держала лист, и ему пришлось потянуть сильнее.

Виктор выдернул листы из моей руки. Указательный палец так и остался согнутым над пустым местом — секунду назад я держала им строку со станком. Он улыбнулся. Вот это было хуже всего: улыбался, будто я опять забыла какую-нибудь бытовую мелочь и он великодушно готов её простить.

— Ты всегда была слишком дотошной, Ань, — произнес он мягко, почти ласково. — Это мешает бизнесу. Мелочность убивает крупные сделки.

Он потянулся к телефону на столе. Набрал номер одним движением, не отрывая от меня взгляда.

— Она не подписывает, — сказал он в трубку. — Включай план Б.

Колени подогнулись. Я упёрлась ладонью в край столешницы, чтобы он не увидел, как меня качнуло.

— Какой план Б? — спросила я. Последнее слово вышло шёпотом; пришлось повторить его.

Виктор убрал телефон. Лена подошла и положила ладонь мне на плечо. На большом пальце блеснул свежий лак. Она касалась моего пиджака так, словно успокаивала посетительницу в приёмной. Я смотрела на её ноготь и ждала, когда она уберёт руку.

— Виктор сказал, ты можешь забрать свои вещи, — проговорила она медленно, наслаждаясь каждым словом. — Квартира оформлена на маму, так что... ну, ты понимаешь. Юридически здесь тебе делать нечего.

Я стряхнула её руку. Резко, сильно, как будто на плече сидел паук. Лена отшатнулась, удивленная вспышкой агрессии.

Я посмотрела на Виктора. На этого человека, с которым я делила постель десять лет. Которого я кормила, стирала ему носки, молчала, когда он повышал голос, верила, что мы команда.

— Ты выгоняешь меня из собственного дома за то, что я не хочу красть? — спросила я.

Виктор подступил ближе. Я отодвинулась к столешнице, больше места не было. Он наклонился к моему лицу и начал говорить тише. Так он обычно делал, когда не хотел, чтобы све-кровь услышала нашу ссору.

— Подпиши задним числом эти акты, Анна. Или завтра утром полиция придёт к тебе. Соучастие в хищении в особо крупном размере. Подделка подписей должностных лиц. Твой срок будет длинным. Десять, пятнадцать лет. А мой — коротким. Потому что я буду свидетелем обвинения. Выбери: свобода или карьера.

Попыталась поймать его взгляд. Витя, посмотри на меня. Не на подписи, не на дверь, из которой меня сейчас выгонят. Он посмотрел — терпеливо, как смотрят на человека, которому уже дважды объяснили очевидное. Десять лет я узнавала по его лицу, в каком настроении он вернулся. Сейчас узнавать было нечего: он ждал ответа.

Я вспомнила подписи на актах. Мою должность, мою фамилию. Всё, что он мог предъявить, если я откажусь.

На совещаниях Виктор любил говорить: «Наша Анна всё проверила». Я сидела рядом и кивала. Не все документы он давал проверить, но фамилия главного бухгалтера подходила ко всем. К этому станку тоже. Теперь ему требовалось, чтобы я расписалась за списание. Если откажусь — он покажет другие бумаги, с чужой подделкой моей подписи. Жена должна была помочь. Бухгалтер — принять на себя последствия. А он успеет назвать меня мошенницей раньше, чем я доберусь до суда.

Сколько раз я приносила ему вопросы по платежам и уходила без ответа? «Потом, Ань». Я откладывала папку на край стола. Завтра спрошу снова. Завтра он будет в лучшем настроении. Вот оно, моё завтра.

Сняла очки, протёрла линзы рукавом. Пятно не исчезало; пришлось перевернуть ткань и попробовать ещё раз. Надела очки. Пока руки были заняты, я нашла ответ. Сказать «нет» уже сказала. Теперь надо унести свой отчёт.

— Я подумаю над твоим предложением, Витя, — сказала я.

Я повернулась к столу, раскрыла сумку. Среди разбросанных листов лежала закладка, которую он оторвал при просмотре. Отчёт был моим. Его я унесу с собой.

Пока я складывала листы, Лена шагнула к столу, но Виктор остановил её взглядом. Хорошо. Пусть ждут, что я начну оправдываться. За первый лист я держалась обеими руками: края никак не попадали один на другой. Наконец выровняла и убрала в сумку.

Молнию заело на уголке бумаги. Я высвободила его и застегнула сумку.

Я вышла в коридор. Обувь лежала у порога. Я надела сапоги, завязала шнурки. Пальцы не дрожали.

У двери я остановилась. Посмотрела на открытую дверь спальни, на их силуэты в теплом свете ночника.

— Дверь не закрывай, — бросила я через плечо. — Мне больше нечего здесь защищать. И шагнула в ночь.

На улице я расстегнула воротник. Октябрьский холод сразу добрался до мокрой блузки, но запах Лены больше не чувствовался. Папка упиралась в бок сквозь сумку. Я придвинула

её вперёд, проверила молнию. Вот с чем я вышла из дома: с отчётом, которому он не поверил даже настолько, чтобы поблагодарить.

Уже на улице я повторила про себя: «Она не подписывает. Включай план Б». Не спор с мужем. Не ссора. Эти слова он сказал в телефон — другому человеку.

У первого фонаря я остановилась и записала в телефоне номер станка. Потом — время звонка Виктора. Без этих двух строк я бы сейчас просто села на бордюр и осталась там.

Под фонарём номер записать оказалось легче, чем найти адрес ночлега. Я ещё не знала, куда идти. Но запись оставила.

Глава 2

На проходной пахло маслом: кто-то протащил мимо тележку с деталями. Я шла в бухгалтерию, не здороваясь. Если ещё работает моя учётная запись, можно выгрузить журнал операций. В нём останется время входа, номер документа, пользователь. Дома я ничего не могла возразить, но здесь у меня был компьютер и пятнадцать лет привычки искать расхождение до копейки. До компьютера оставалось несколько шагов.

— Мне нужен полный архив транзакций за третий квартал, — потребовала я, подходя к двери своего кабинета. Руки не дрожали. Дыхание ровное.

Виктор сидел за моим монитором. На мой вопрос не ответил; взял карточку и приложил к считывателю. За стеклом щёлкнул замок. Я отступила от двери. Всё, что мне требовалось сейчас, оставалось за стеклом.

— Твой пароль сменили вчера ночью, Аня, — произнёс он ровно, как констатацию погоды. — Ты больше не главный бухгалтер. Ты — подозреваемая в соучастии. Иди домой.

Три года назад я сама дала ему эту карточку: «На всякий случай, Вить, если меня не будет». Сейчас он держал её между пальцами, а я стояла перед запертой дверью. На столе за стеклом виднелся мой монитор. До него было метра четыре. Я могла назвать наизусть каждую папку на рабочем столе, но открыть хоть одну больше не могла.

Лена появилась в дверях с картонной коробкой. Она не сказала ни слова, просто поставила её мне под ноги, прямо посреди коридора, где уже собирались сотрудники, делая вид, что заняты делом.

— Ваши вещи, Анна Сергеевна, — пролепетала она, но глаза блестели от злорадства.

В коробку бросили ноутбук, калькулятор, блокноты и кружку «Лучший бухгалтер». Кружка лежала на боку, ручкой к стенке. Я присела и переложила калькулятор поверх блокнотов: если разобьют экран, новым мне его никто не заменит. Лена ждала, пока я подниму голову.

— Ты калькулятор тоже заberi. Тебе пригодится, когда придётся считать без Виктора, — сказала я тихо, глядя ей прямо в зрачки.

Лена моргнула и посмотрела на калькулятор. Я подняла коробку. Он нужен мне, отдавать его ей я не собиралась. За спиной кто-то коротко кашлянул, потом все вдруг нашли себе работу. Мне хотелось сказать коллегам: вы же знаете меня. Я прикусила губу. Завтра любой из них получит такую же коробку и тоже будет ждать, что остальные вспомнят его имя.

Я попыталась позвонить бывшему коллеге-аудитору, Грише. Нужен был независимый эксперт, чтобы оспорить эти сделки. Гудки шли долго, потом линия оборвалась. Через минуту телефон завибрировал от входящего сообщения. Неизвестный номер: «Гриша болен. Если ты попробуешь выйти на связь с внешними аудиторами, полиция получит анонимку о твоём участии в отмывании средств. Подумай о его здоровье, Аня».

Я перечитала сообщение. Неизвестный номер знал, кому я звонила минуту назад. Снова набрать Гришу? Если угроза настоящая, ему достанется за мой звонок. Если блеф — я как раз сделаю то, чего добивается Виктор. Сохранила номер и время. Потом долго держала телефон у уха, хотя там уже никто не говорил.

К вечеру я всё-таки вернулась к квартире свекрови. Нужно хотя бы переночевать, утром искать комнату. До звонка не дотянулась: дверь открыли изнутри. Валентина Петровна держала мой чемодан, прижав его коленом к порогу.

— Уходи, Аня, — сказала она, не отодвигая чемодан. — Виктор объяснил мне всё. Ты вор и изменница. Квартира оформлена на меня. Если ты не исчезнешь через пять минут, я вызову полицию за незаконное проникновение.

Свекровь поставила чемодан за порог, и дверь закрылась. Ручка выдвижной стойки была сломана. Виктор обещал починить её перед отпуском; я вспомнила это так отчётливо, будто

сейчас надо было звонить ему по поводу ремонта. Взяла чемодан за боковую ручку. До лестницы донесла, дальше поставила на ступень и потащила вниз.

Я сидела у круглосуточной аптеки, грела ладони о чай в пластиковом стакане. Чемодан поставила поперёк ног, сумку держала на коленях. Когда ко мне подошёл мужчина, сначала подтянула к себе чемодан. Заберёт сумку — отчёт потерян. Я отодвинулась на край скамейки.

— Если ты хочешь забрать мои документы или запугать меня, лучше сразу ударь, — прошипела я сквозь зубы, чувствуя, как внутри закипает звериная ярость. — Я не буду торговаться.

Мужчина остановился, подняв руки. Он выглядел спокойным, слишком спокойным для ночного грабителя.

— Виктор теряет контроль над активом, — сказал он, кладя на скамейку визитку. — Тебе есть что продать тому, кто покупает.

Я дождалась, пока он отойдёт от аптеки, и взяла визитку. «Артем Инвест». Телефон, почта, адрес. Человек предложил мне что-то продать — не попросил уйти, не велел заткнуться. Я спрятала карточку между листами отчёта. Если Виктор мешает кому-то купить завод, этот кто-то хотя бы захочет выслушать цифры.

Утро в хостеле было серым и пахло сыростью. Я сняла самую дешёвую комнату на остаток денег. На столе лежал конверт. Курьер доставил его ночью, пока я спала. Внутри — короткое письмо Виктора: «Забудь про завод. Забудь про прошлое. Исчезни на год. Тогда я не подам заявление о твоих подписях. Один шаг в сторону — и ты сядешь на 8 лет».

Развернула письмо, провела ногтем по сгибу. Уже достала зажигалку — хотелось хоть эту бумагу уничтожить своими руками. На углу появился тёмный след. Я погасила огонь: если он снова начнёт отрицать угрозы, покажу письмо. Положила его в файл и подписала маркером: «Доказательства шантажа».

Маркер оставил на файле кривую надпись. Я провела по ней ещё раз. Виктор хотел моего исчезновения на год — значит, ему требовалось время. На что? Продать землю? Стереть архив? Я потянулась к ноутбуку. Разбираться с этим из хостела было унижительно, но в комнате хотя бы был стол, за которым мне никто не запрещал сидеть.

Ноутбук из коробки загрузился. Я набрала название фирмы с визитки, потом имя Артема. В статье говорилось о землях завода и спорной покупке. Фотографию увеличила: серое пальто, тёмные волосы. Мне надо было запомнить лицо человека, которому я ещё не решилась звонить.

Возле стеклянной двери я поставила коробку на подоконник и сменила руку. Внутри лежали три блузки, туфли и чек за недоеденный йогурт. До хостела от этого дома я дошла; теперь вернулась с вещами, потому что всё ещё хотелось объяснить свекрови, что Виктор ей наврал.

У зеркальной панели я остановилась поправить волосы. Пальцы зацепились за спутанную прядь. На стекле отразилась коробка, прижатая к животу, и мне захотелось закрыть её крышкой: пусть хотя бы туфли не торчат. Пятнадцать лет на заводе, десять — в этой квартире. А сейчас консьерж мог спросить, к кому я пришла, и мне нечем было бы ответить.

— Анна Сергеевна? — голос бабы Нюры, соседки с пятого этажа, разрезал тишину. Она сидела на лавочке у лифта, вязала что-то серое и шепталась с консьержем. Консьерж, обычно равнодушный к моим ночным возвращениям, сейчас смотрел на меня с брезгливой настороженностью. — Это вы? — переспросила Нюра, прищурившись. — Жена нашего Витеньки? А почему вы... так одеты? Сумка какая-то странная.

Нюра смотрела на коробку и на мой воротник. Я хорошо знала этот взгляд: сейчас она дождётся лифта и расскажет соседке, что лично видела. Виктор, наверное, уже успел дать им свою версию. Кто ему возразит? Я могла начать объяснять здесь, у стеклянной двери, перед чужими пакетами и мокрыми зонтиками. От одной этой мысли у меня запыхали уши.

— Ошибка адресом, — буркнула я, натягивая капюшон куртки поверх головы. — Доставка. Заказ номер... четыре-два-один.

Консьерж хмыкнул и отодвинул стул от прохода. «Доставка» его не убедила — он знал мою фамилию. Просто не хотел спорить. Я прошла, не подняв головы, вошла в лифт и нажала цоколь. Там, в технической комнате, никто не стал бы спрашивать, почему я вернулась с коробкой. Прислонилась к трубе, поставила вещи возле ног и наконец позволила себе задрожать.

Телефон завибрировал прямо в кармане. Экран светился именем «Валентина Петровна». Свекровь. Я ответила. Дыхание перехватило.

— Ключи, — сказала свекровь. Про ночлег она даже не спросила. — Верни ключи от квартиры. Виктор сказал, ты их украла вместе с документами.

— Мама, послушайте, — начала я, глотая ком в горле. — Он выставил меня ночью. Он фальшивые подписи ставил! Вы же знаете, какой он...

— Виктор всё объяснил, — перебила она резко. — Ты украла важные бумаги для проекта. И теперь прячешься. Не звони мне больше. Если через два дня ключей не будет, я вызову полицию. За кражу.

На экране погасло имя свекрови. Я всё ещё держала телефон возле уха. Хоть бы спросила, где я ночевала. Хоть бы назвала меня дурой, потом разрешила погреться. Нет, ей нужны были ключи. Я достала связку: на кольце висел брелок, который она привезла нам из санатория. Провела большим пальцем по облупленной надписи и убрала ключи обратно.

В парке я села на скамейку, предварительно смахнув с неё мокрые листья. Из коробки достала блузку: кофейное пятно расплзлось по воротнику. Туфли поставила рядом, ногами к себе. Чек сложила под блокнот — ветер вырывал его из пальцев.

Из-за поворота появилась чёрная Audi. Лена опустила стекло, разговаривала по телефону. Я выпрямилась на скамейке, но она проехала, не посмотрев. У меня болели плечи от коробки, а у неё было достаточно свободной руки, чтобы поправлять волосы на ходу.

Я вытерла нос рукавом и оглянулась: никто не смотрит. Лена уже свернула, а я всё ещё следила за пустым поворотом. Сдвинула чек в коробку, подложила под блокнот крышку. Дата, время, чёрная Audi. Поворот у аптеки. Пока записывала, перестала хлюпать носом. Пусть в записи будет хоть что-то полезное, а не только рассказ о том, как я сидела и плакала.

Глава 3

Галя держала цепочку, пока рассматривала меня через узкую щель. За дверью пахло варёной капустой. Я переступила с ноги на ногу; коробка соскальзывала. Только тогда она сняла цепочку и разрешила войти. Вдохнула, будто я уже принесла ей больше хлопот, чем она собиралась терпеть.

— Аннушка? — протянула она. — Что случилось? Где твой мужик?

— Его нет, тётъ. Я одна. Мне нужна крыша. Хотя бы на три дня.

Галина оглядела мой мятый костюм, мои красные от холода руки. Её лицо не смягчилось. Оно стало деловым. — У меня тут тесно, девочка. Плата за комнату пятьсот рублей в сутки. Плюс постельное бельё. И еда своя.

За кухонный диван она просила как за отдельную комнату. Но других адресов у меня не было. Пока я искала бы приют и объясняла чужим людям, что случилось, Галя могла захлопнуть дверь.

Я выложила на кухонный стол полторы тысячи рублей из трёх тысяч двухсот, которые остались после хостела. Остальные я спрятала в карман: проезд и еда. — На три дня хватит? — спросила я тихо.

Галина сгребла купюры, не пересчитывая. — Спать будешь на кухне. Уборка по утрам. Тишина после десяти.

Ночью стирала белую блузку. Вода в тазу была слишком горячая, но менять её — снова шуметь краном. Я крутила ткань, стараясь выжать кофейное пятно. За стеной ударили кулаком. — Тише! Люди спят! Я остановилась с блузкой в руках. Капли падали на линолеум; даже их стук казался громким.

Вывернула бирку, чтобы проверить, не испортила ли воротник. На краю остались синие чернила. У Виктора был похожий маркер; я могла задеть им ткань, пока разбирала бумаги. По этому пятну ничего не узнаешь. Зато названия файлов на его столе я помнила.

От таза пахло порошком, которым Галя разрешила воспользоваться. Я выжала блузку, расправила бирку и вспомнила файлы на столе Виктора: «Активы_2023.xlsx», договор с «Ромашкой», отчёт для мэрии. Их я видела, когда искала ручку. Может, тогда надо было открыть? Теперь оставалось восстановить по памяти названия и даты. Я повесила блузку на батарею, села на диван и записала всё до утра.

Утром с трудом разогнула спину: кухонный диван оказался короче, чем я надеялась. Фирма «Финанс-Гарант» располагалась в старом офисном центре, где лифт скрипел, а кондиционеры не работали. HR-менеджер, женщина лет сорока с мешками под глазами и нервно подстриженными ногтями, просмотрела моё резюме за десять секунд.

— Главный бухгалтер завода? — она хмыкнула, откинувшись на спинку стула. — Нам нужны люди посвежее. Без скандалов. У вас в трудовой книжке пробелы, а в соцсетях... ну, вы понимаете. Слухи ходят.

Я разглядывала объявление за спиной кадровички. Для стажёров вывесили образец декларации и приложение к ней. Суммы не совпадали. Прочитала итог ещё раз — мне хотелось ошибиться, чтобы не лезть к человеку, который и так ищет повод отказать.

— Ваша декларация неверна, — сказала я ровным голосом.

HR подняла бровь. — Простите?

— Пример на стене. В итоговой строке пропущена часть выручки. Сверьте её с приложением справа. Разница по налогу — четыреста тысяч. Стажёры у вас по этому образцу учатся?

Кадровичка повернулась к стене, прочитала строку, на которую я указала. Затем сняла образец, сложила его печатью внутрь. Моё резюме осталось у неё на столе. Я следила за этой страницей: положит в корзину или всё-таки уберёт в папку?

— Решение принимает собственник, — сказала она наконец, убирая резюме в папку. — Он в командировке. Но... за дерзость я оставляю вас на испытательный срок. Бесплатно. Первые две недели.

Перед зданием остановился чёрный Mercedes G-class. Я уступила ему проезд, прижав коробку к боку. Водитель вышел, обошёл машину. На мужчине было серое пальто; он смотрел вверх, на третий этаж. Я уже видела его фотографию и узнала раньше, чем он повернул голову.

Мужчина задержался возле машины и потянул рукав пальто. Я узнала его по фотографии из статьи. Артём, покупатель завода. Он смотрел на третий этаж, на окно кадровички. Я прошла мимо, стараясь не задеть его коробкой. Спросить про визитку прямо здесь? Он даже не повернул головы. А я была слишком голодная, чтобы выдержать ещё одно «проходите мимо».

Странное совпадение. Или нет? Если ночной незнакомец был его человеком, он уже знал обо мне. Но узнавал ли меня сейчас — по лицу, а не по строчке в отчёте? Я села в автобус, трясущимися руками сунув билет в валидатор. Телефон в кармане завибрировал. SMS с неизвестного номера.

«Вы забыли папку в кабинете директора. Забрать?»

В конце сообщения подписались: «Лена». Я проверила сумку: папка на месте. Её не забыла ни на столе кадровички, ни в кабинете Виктора. Зачем Лена зовёт за другой папкой? В ней может быть ещё одна подделка, которую надо получить именно мне. Я сохранила сообщение. От голода сводило живот, но отвечать, прежде чем пойму, что предлагают, не стала.

У кафе я остановилась: из открытой двери пахло кофе. Три дня перебивалась корками и одним пакетиком чая на несколько завтраков. В «Уюте» раньше знали мой заказ. Виктор слушал мои рассказы о свержках, пока смотрел на официантку. Даже это воспоминание сейчас годилось как причина зайти туда, где есть тёплый стол.

Дверной колокольчик звякнул. Бармен посмотрел на меня, затем наклонился к кофемашине. Обычно этот рыжий парень первым спрашивал, что приготовить. Сейчас взял стакан и начал протирать, хотя тот и так стоял чистым. Я подошла к стойке.

— Добрый день, — мой голос прозвучал хрипло, чуждо. Я попыталась улыбнуться, но губы лишь дрогнули.

Бармен мотнул головой к выходу. Я сделала ещё шаг: он ведь меня узнал, может, просто не расслышал? Тогда он наклонился к мужчине у входа, что-то сказал и посмотрел на мою куртку. Мужчина качнул головой. Мне вдруг стало тесно между стойкой и столиками. Раньше здесь спрашивали: «Вам как обычно?» Я развернулась, даже не попросив воды.

У дверного колокольчика я чуть не остановилась, чтобы всё-таки попросить воды. Но вышла под серый октябрьский ветер. Голод сосал живот, но страх перед одиночеством был сильнее. Мне нужна была комната. Любая. Даже та, что висела в объявлениях на столбах у рынка: «Уголок для спокойной женщины, 500 рублей».

Хозяйка открыла сразу, не посмотрев в глазок. Я сказала, что по объявлению, и приподняла купюру: деньги у меня есть. Она не посторонилась. Держала дверь плечом, рассматривала мой воротник и сумку. Я перестала доставать кошелек и ждала, какую сумму назовёт.

— Залог, — сказала она сухо. — Тысяча сейчас. И паспорт.

У меня в кармане лежали чуть больше полутора тысяч рублей — всё, что осталось после оплаты угла у Гали. Я протянула купюры дрожащей рукой. Женщина даже не взяла деньги. Она достала телефон, набрала номер и включила громкую связь. Я узнала голос, хотя хозяйка убавила громкость: Виктор.

— Да, та самая, бухгалтерша Вика, — произнесла хозяйка в трубку, глядя мне прямо в глаза с торжествующей жалостью. — Не пущу. Пусть идет куда хочет.

Значит, и сюда добрались его звонки. Хозяйка даже деньги не взяла. Кто ещё получил такой звонок — и сколько дверей мне теперь обойти? Дверь захлопнулась перед моим носом, и я услышала щелчок замка. Этот звук резанул тишину двора острее крика.

В банке пришлось отстоять очередь. Я держала карту между пальцами и смотрела, как двигается номер на табло. Наконец подала её в окно. Операционистка проверила данные, затем прочитала сообщение на экране. Карту отложила к краю стойки, подальше от своих бумаг.

— Счёт заблокирован, — сказала она механически. — Проверка службы безопасности банка. Подозрительная активность.

— Но там мои деньги! — голос сорвался на визг. — Я главный... была главным бухгалтером!

Она отвела взгляд. — У нас нет информации. Обратитесь к руководству. Следующий.

Я забрала карту. Зарплата на счёте есть, снять её нельзя. Снова прочитала остаток в приложении, как будто цифра поможет уговорить операционистку. На улице пошёл дождь. Добежала до козырька магазина электроники и встала возле витрины — там хотя бы светло, можно проверить номер другой комнаты.

Мимо пробежала стайка школьников, смеясь. Один из них, толкнув меня плечом, не извинился. — Нищая, занимаешь место, — бросил он презрительно.

Школьник уже отбежал, а я всё ещё искала, что ему крикнуть. Голова закружилась; я опёрлась на стекло и съехала по нему вниз. Через витрину, за своим отражением, увидела Лену. Она прошла с телефоном у уха, поправляя воротник. Мне не хотелось, чтобы она заметила, как я сижу. Поднялась слишком быстро, чуть не упала, ухватила за край козырька. Вот так. Стоять я ещё могла.

К Гале вернулась мокрая. Она взяла деньги за три дня; хотя бы высушить куртку и уснуть мне должны дать. Дверь была приоткрыта. Я придержала её пальцем и позвала хозяйку. Никто не ответил. Внутри на полу лежали мои вещи.

Подняла налоговый кодекс. Несколько страниц вырвали, остальные заломили. На столе возле грязной тарелки лежал конверт. Фотографии: заводская проходная, коробка в моих руках, охранник за плечом. К ним приложили записку: «Следующий шаг — полиция. Уходи из города. Тебя посадят за фальшивые подписи, которые ты же и поставила». Я прочитала фамилию на обороте конверта. Адрес верный.

На фотографии я узнала куртку и дверь проходной. Их человек стоял рядом, когда я несла коробку, а я даже не обернулась. Я сунула снимки в конверт, прижала его к груди. Галя дала мне три дня. Получалось, и одного дня Виктор не хотел оставлять мне без напоминания о себе.

Шум в коридоре заставил меня вздрогнуть. Дверь распахнулась. Родственница, бледная и дрожащая, смотрела на разгром, затем на конверт в моей руке. — Что это?! — прошипела она. — Полиция? Наркотики? Убирайся! Немедленно! Я не хочу проблем!

— Но я платила...

— Ключи! — она выставила руку. — Вон! Пока я не вызвала участкового!

Я стояла посреди подъезда, с одной сумкой, в которой лежали документы и папка с реальными цифрами, которые Виктор пытался скрыть. Единственный друг детства, Санька, которого я умоляла впустить меня на ночь, сбросил звонок. Тишина в трубке была громче крика. Я сунула телефон в сумку. До разряда оставалось семь процентов. Ещё один звонок — и даже фонарика не будет.

Глава 4

Дошла до заводских ворот уже после смены. За бетонным забором горели лампы, в будке сидел охранник. Я показала, что хочу поговорить. Он махнул рукой к дороге. Даже стекло не открыл. Отошла от ворот, чтобы камера не снимала меня вплотную.

На бордюре холод сразу пробился сквозь брюки. Я попыталась подложить сумку и отказалась: намокнут документы. Папка важнее. Подтянула её на колени, упёрла локти в края и стала дышать в ладони. С дороги летели брызги. Я сидела здесь когда-то после смены, ждала Виктора. Тогда он хотя бы выходил из ворот.

Кто-то остановился передо мной. Сначала я увидела ботинки — чистые, несмотря на мокрый асфальт. Потом край тёмного пальто. Подняла голову, но фонарь слепил, и пришлось прикрыть глаза ладонью. Он не спросил, плохо ли мне, не предложил вызвать скорую. Ждал, когда я посмотрю на него.

— Вы Анна Корнеева? — спросил он. Голос был низким, бархатным, без капли сочувствия.

Я подняла голову, шурясь от света. — Кто вам сказал?

— Я слышал, вы единственный человек, который знает, куда делись деньги «Красного Октябрёнка». Артем Волков. Инвестор.

Я поднялась с бордюра. Инвестор пришёл сам — после человека с визиткой и всех закрытых дверей. Надо понять, что ему нужно. Папку держала перед собой: разговаривать, сидя возле его ботинок, не хотелось.

Артем достал из кармана платок, белый, идеально чистый. Протянул мне. Я взяла его и сама стёрла грязь со щеки. Он ждал, пока я уберу платок в сумку.

— Виктор считает тебя мусором, — сказал он тихо, глядя мне прямо в душу. — А я вижу в тебе оружие. Хочешь стрелять?

У турникета «Гранита» я приложила к сканеру распечатку приглашения. Раздался гудок. Конечно, бумагу он не считывает. Я убрала её, чувствуя, как охранник разглядывает мои руки. Папку с резюме прижала к груди — там хотя бы был ответ на вопрос, кто я такая. Главный бухгалтер. Пятнадцать лет. Сейчас мне требовалась любая работа, за которую платят.

— Пропуска нет, — буркнул он. Голос был густым, будто горло смазали мазутом.

Положила паспорт возле клавиатуры. Обложка задела край, и я поспешно поправила её, будто виновата уже в этом. Охранник посмотрел на фото, потом на меня. Я подняла подбородок: фотография сделана до всего этого, но человек в паспорте тот же. Он не мог не заметить, как я поджала плечи. Взял документ двумя пальцами и раскрыл на странице с пропиской.

— А... Вы та самая? Жена Виктора Сергеевича? — охранник наконец посмотрел на фото в паспорте, затем на меня. В его глазах мелькнуло что-то похожее на жалость, но быстро сменилось равнодушием. — Проходите. Но там у нас сегодня день открытых дверей для инвесторов. Не мешайте людям делать деньги.

«Не мешайте людям». Я забрала паспорт, не поблагодарив. Хотелось спросить, на каких условиях он относит к людям меня. Пропуск? Новый пиджак? Муж с должностью? Вместо этого прошла к лифту. Ему удавалось задержать меня у стойки и без всяких вопросов.

Лифт останавливался с рывком. На третьем этаже я придержала папку обеими руками и вышла в коридор. Возле двери стояла кофейная тележка; мне пришлось пройти мимо, не задерживаясь. В резюме должность главного бухгалтера смотрелась внушительно. Здесь всё решалось тем, согласится ли человек за этой дверью вообще взять лист в руки.

У двери кабинета я выпрямила угол резюме. Вошла. За столом сидела Лена и поправляла волосы перед зеркальцем. Кадровика не было. Она увидела меня в отражении; рука с зеркаль-

цем замерла возле лица. Я знала, как она умеет приветствовать посетителей, — обойдёт стол, предложит кофе. Для меня чашку доставать не торопилась.

— Анна? — протянула она. Она сказала моё имя, не добавив привычного отчества. — Ты... ты здесь?

Она встала, обогнула стол. Высокие каблуки цокали по ламинату, как метроном.

— Виктор сказал, что ты исчезла. Сказал, ты уехала к матери.

Моя мать давно умерла. А квартира свекрови уже закрыта для меня. Но я промолчала. Я села напротив неё, положив руки на колени, чтобы они не тряслись.

— Я ищу работу, — сказала я ровным голосом. — Младший аудитор. Вакансия висит на сайте.

Лена вытащила моё резюме из папки. Я отправляла его три дня назад, с другого адреса, но фамилию оставила настоящую. Теперь на листе сверху появилась карандашная пометка. Прочитать её с моего стула не получилось. Лена повернула бумагу к себе.

— Младший аудитор, — повторила она, читая вслух. — «Феноменальная память», «опыт работы с крупными объемами данных». Анна, давай честно. Тебя выгнали с завода. За компромат. За то, что ты знала слишком много. Зачем нам человек, который может принести проблемы?

Я убрала руки с колен и положила их на стол. Лена смотрела на меня поверх резюме — фамилия была напечатана крупно, скрывать её оказалось бессмысленно. Что ж, пусть вспомнит, чем я занималась, пока она носила Виктору кофе. В черновиках на кухне он оставлял суммы и контрагентов. Даже не переворачивал листы. Был уверен, что я не стану читать.

— Вы хотите проверить мою устойчивость? — спросила я, глядя ей прямо в глаза.

Лена усмехнулась, постукивая ручкой по столу.

— Хочу узнать, не начнешь ли ты плакать посреди отчетного периода. Или звонить бывшему мужу, когда что-то пойдет не так.

— В прошлом году завод перевел 14 миллионов рублей в фонд развития города под видом консультационных услуг, — произнесла я тихо. Цифры сами сорвались с языка, точные, как пули. — Получатель — ООО «Гранит-Консалтинг». Директор — племянник мэра. Договор подписан задним числом, 30 декабря, хотя услуги оказаны не были. Акты сверки отсутствуют. Налог на прибыль занижен на два миллиона.

Лена побледнела. Ручка выпала из её пальцев, стукнув о стол.

— Откуда ты это знаешь?

— Потому что я составляла эти декларации. Пока Виктор не приказал мне фальсифицировать графы.

Лена подхватила ручку, которую только что уронила, и промахнулась. Она закатилась за край папки. Я не помогла. Смотрела, как Лена ищет её ладонью, всё ещё не сводя с меня глаз. Наконец нашла и крепко сжала. На вопрос «откуда ты знаешь» я уже ответила.

Дверь кабинета распахнулась без стука.

Виктор вошёл и закрыл дверь локтем. Я сразу заметила новый галстук. Мы выбирали его вместе, он спрашивал, не слишком ли яркий. Сегодня галстук ему подошёл: свежий костюм, выпавшееся лицо. За два дня он даже не похудел. Увидев меня, задержался у двери, потом улыбнулся так, как улыбался свекрови, когда она жаловалась на меня.

— Аня, — позвал он мягко. — Что ты здесь делаешь? Это частная территория.

— Я на собеседовании, Виктор, — ответила я, не отводя взгляда.

Он рассмеялся. Коротко, сухо.

— Собеседование? Ты хочешь работать здесь? В фирме, которая обслуживает мои проекты? — Он повернулся к Лене. — Уберите её. Немедленно. Если эта фирма хочет продолжать сотрудничество с заводом, ей не нужны проблемы в виде моей бывшей жены.

Лена посмотрела на резюме. Потом на Виктора. Ручку она держала над пустой графой. Я ждала, что поставит крест, но она заговорила — на этот раз с ним на «вы».

— Виктор Сергеевич, кандидат демонстрирует высокий уровень профессиональной подготовки...

— Это не кандидат. Это угроза безопасности компании, — перебил он резко. Голос стал жестким, командирским. — Я требую отказа. Прямо сейчас. Или я пересмотрю условия контракта с «СтройИнвестом». Вы знаете, сколько стоит потеря такого клиента?

Он подошёл, и я узнала одеколон. Утром я обычно слышала, как он ставит флакон на полку в ванной, ещё до будильника. Сейчас этот запах перебил кофе из коридора. Я вжалась локтями в стол, чтобы не отодвинуть стул. Он наклонился почти к самому уху.

— Уходи, Аня, — прошептал он, наклоняясь ниже, чтобы только мы слышали друг друга. — Пока дверь открыта. Иначе я сделаю так, что тебя не возьмут ни в одну контору в этом городе. Ни в один магазин. Ни в одну библиотеку. Ты будешь голодать.

Под столом я вцепилась в край сиденья. Лена всё слышит. За дверью идут люди. Если сейчас расплачусь, он скажет: видите, я предупреждал. Я разжала губы, осторожно, чтобы голос не сорвался. С ним мне больше не нужно было разговаривать так, как разговаривают дома.

— Твое присутствие здесь нарушение этики делового общения, — сказала я громко, так, чтобы слышал весь кабинет. — Ты не имеешь права вмешиваться в процесс найма сторонней организации.

Виктор отодвинулся от моего уха и потянул вниз галстук. Ему пришлось отвечать при Лене, достаточно громко. Я прижала колени к ножкам стула, чтобы не отступить вместе с ним.

— Ты думаешь, ты умнее всех?

— Я думаю, что ты боишься, — ответила я. — Боишься, что я знаю правду.

Он протянул руку к моему плечу. Я подняла папку, преградив путь. Он задержал ладонь над ней, посмотрел на дверь переговорной.

Глава 5

Щелчок замка. Дверь кабинета, ведущая в переговорную рядом, открылась.

Оттуда вышел мужчина. Высокий, в темно-синем костюме, который стоил больше, чем вся моя одежда за последние пять лет. Темные волосы коротко стрижены, на щеке след от недавнего бритья. Артем. Инвестор из Москвы, вчера предложивший мне сделку у заводских ворот. Я ещё не успела ответить на его предложение.

Он не кричал. Он просто стоял в дверях, скрестив руки на груди, и смотрел на Виктора. Взгляд был спокойным, внимательным, как у человека, наблюдающего за муравьем на столе.

— Виктор Сергеевич, — произнес Артем низким бархатным голосом. — Вы уверены, что хотите, чтобы я знал, почему вы так боитесь одного бухгалтера?

Виктор обернулся. Лицо его стало землистым.

— Артем Николаевич, это личное дело. Моя бывшая жена пытается...

— Она проходит собеседование на позицию младшего аудитора в компанию, с которой вы работаете? — перебил Артем. Он шагнул в комнату, игнорируя Виктора. Подошел к столу Лены, взял мое резюме, взглянул на стаж работы. Цифры он, видно, услышал через дверь.

— Четырнадцать миллионов. Фонд развития. Племянник мэра, — пробормотал он себе под нос. Затем поднял глаза на меня. — Вы точно помните дату подписания акта?

— 30 декабря. 23:45. Электронная подпись сбойнула дважды, поэтому я запомнила время, — ответила я механически.

Артем повторил время — двадцать три сорок пять — и провёл пальцем по моей фамилии в резюме. Я всё ещё ждала, что спросит, почему помню такую мелочь. Вместо этого он повернулся к Виктору.

— Виктор, оставьте нас, — сказал он, не повышая голоса. — Ваша тревога мешает работе комиссии.

Виктор хотел что-то сказать, но Артем не выпустил моё резюме из рук. Держал лист за верхние углы, совершенно спокойно. Виктор перевёл взгляд на него. Я ждала привычного «Аня, не лезь». Он так и не произнёс его. Похоже, в этой комнате ему тоже приходилось выбирать слова.

— Мы обсудим это позже, — процедил Виктор сквозь зубы, бросив на меня последний ненавидящий взгляд. И вышел.

Когда Виктор вышел, я увидела, что всё время держала край сиденья. Разжала пальцы по одному. На ладони отпечаталась жёсткая полоска обивки.

Лена сдвинула своё кресло к шкафу. Артем сел рядом со мной, развернувшись к столу. Его колено задело мой костюм. Я могла подвинуться, но не стала: не хотелось снова освободить место для чужих удобств. Он пах табаком. Я вдруг подумала, что давно не сидела так близко к другому мужчине, и разозлилась на себя за неуместную мысль.

— Вы рискуете, Анна, — сказал он тихо. — Виктор не простит вам унижения. Он не простит, что я видел вас здесь.

— Уже некуда отступать, — сказала я. — Квартира закрыта, на завод не пускают. Лена сейчас сидит здесь с моим резюме. Что ещё он может у меня забрать?

Он наклонил голову, рассматривая меня. Я слишком многое только что сказала при Лене. Это можно будет использовать против Виктора, а можно — против меня. Артем пока не обещал ни того ни другого. Мне хотелось спросить прямо: вы сейчас решаете, сколько я стою? Но без его помощи я даже к своему компьютеру не могла вернуться.

— Скажите мне, — продолжил он, понизив голос до шепота. — В тех документах, которые вы видели. Были скрытые платежи в бюджет города? Кроме четырнадцати миллионов?

Он спросил о других платежах. Я помнила сумму, но за ответом придёт следующий вопрос: почему молчала? Достала блокнот, открыла страницу с квартальными итогами. Пусть видит, что я не называю цифры из обиды на мужа.

— Были, — призналась я. — Через фиктивные поставки стройматериалов. Сумма около восьмидесяти миллионов за квартал. Деньги шли на счета подрядчиков, которые нигде не зарегистрированы.

— Почему вы не сообщили в налоговую?

— Потому что меня бы посадили как соучастницу. Подписи поддельные, но выполнены моим почерком. У него оставались образцы моего почерка и подписи. На бумагах, которые мне показывали, подпись была очень похожа на мою. Я её не ставила.

Артем кивнул. Медленно.

— Вы понимаете, что найдётся в этих договорах? — Он указал на мою фамилию. — Под каждой строкой ваше имя.

— Поэтому хочу показать их не только вам. И хочу договор, прежде чем отдавать другое.

Он задержал взгляд на блокноте и придвинул к себе чистый лист. Записывать условия начал раньше, чем я успела их назвать.

— И что вы просите?

— Официальное трудоустройство. Доступ к серверам завода через вашу компанию как аудитора. Юридическую защиту моих персональных данных. И гарантии безопасности.

— Гарантий в этом городе не существует, — возразил он. — Есть только сделки.

— Тогда записывайте. Я проверяю сделки, которые мешают вам купить завод. Вы обеспечиваете доступ и адвоката. Моё имя нужно очистить, Викторovy подделки — предъявить. С такой сделкой я согласна.

Артем молчал несколько секунд. Потом протянул руку через стол. Его пальцы длинные, сильные. Он попросил Лену достать бланк трудового договора и положил его передо мной.

— Подпишите, — сказал он. — И начинаем копать сегодня ночью.

Проверила бланк: должность, оплата, дата начала. Пустые поля Лена заполняла при мне. Потом я взяла ручку. Подпись получилась с длинным последним штрихом. На подделанных актах он был коротким — вот о чём думала, когда подписывала настоящее.

Артем забрал подписанный экземпляр, мой положил передо мной. Лена смотрела на оба листа. Я сложила свой и убрала в сумку: этот договор не останется в кабинете, как мои прежние документы.

— Добро пожаловать в ад, Анна, — сказал Артем, убирая бумаги в портфель.

Глава 6

Артем подошёл к окну. На стекле появились первые капли. Я перестала следить за Леной и посмотрела на улицу: к вечеру дождь усилится. С комнатой надо договориться сейчас.

— Виктор узнает о вашем решении через час, — произнес Артем, не оборачиваясь. — И он сделает всё, чтобы остановить вас. Физически.

— Я готова.

— Нет, вы не готовы.

Артем развернулся. В его руке был смартфон. Он включил экран и показал мне фотографию.

Это был вид снаружи угла у Гали, откуда меня вчера выгнали. Маленького окна, за которым я спала на диване. Фотография была сделана вчера. Видно было силуэт мужчины, стоящего под фонарем. Знакомый плащ. Знакомая походка. Человек Виктора.

— Ваши вещи осмотрены, — сказал Артем спокойно. — Ваш доступ к заводскому архиву заблокирован. Они знают, что вы здесь.

На фотографии было окно Гали. Я приблизила его двумя пальцами, хотя и так узнала штору. Значит, пока я стирала блузку и старалась не шуметь, под окном стоял человек. Показала Артему снимок обратно. Вопрос о зарплате вдруг исчез из головы; я хотела знать, где буду ночевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.